Коляда Николай

12.1.95.

Общая газ. - 1995. - 12-18 янв. - с. 11

ПОРТРЕТ НА ФОНЕ

«Я ничего в своих пьесах не смыслю!»

Николай Коляда о себе самом

В декабре 1994 года в Екатеринбурге проходил необычный театральный фестиваль, названный «Коляда Plays». В нем приняли участие три немецких театра и более десятка российских. В новом качестве предстал и сам драматург, поставивший в Академическом театре драмы своего родного города Екатеринбурга пьесу «Полонез Огинского».

– Нет пророка в своем отечестве. Похоже, ваш родной город попытался сие опровергнуть, закатив международный (хотя вернее сказать – русско-немецкий) фестиваль спектаклей по пьесам Николая Коляды. Но признайтесь, звучало в ваш адрес и «не по чину берешь»?

– Кроме прочего, фестиваль принес мне один приятный сюрприз, он же неприятный. Да, было много разговоров, звонков и даже писем с издевочкой. Мол, Розов с Арбузовым во сне не видали своих фестивалей, а тут... Такая атмосфера, по-моему, поддерживалась до самого начала фестиваля. А когда на открытии зачитали приветствие Галины Волчек, все вдруг переменилось. И голоса, повторявшие: как нелепо! – вдруг стали восклицать: как замечательно! Это лишний раз показывает, как редко встречается незаемное мнение. Люди присоединяются к той точке зрения, которая сочтена на сегодня ведущей.

– Но все же представим себе человека, который остался при своем, не очень лестном мнении о художественном мире Николая Коляды. Этому господину и впрямь может не нравиться то, каким образом представлен облик и речевой портрет современной России.

– А я ведь как казах, который едет по степи: что вижу, то пою. Я не умею иначе. Всю жизнь я жил почти так, как мои персонажи, и людей видел именно такими. Про то, чего я не знаю, я писать не могу, но специально ничего не нагнетаю, красок не сгущаю.

– Однако ваш стиль общения не вполне совпадает с речевыми приемами большинства ваших героев...

– Ну я же актер, лицедей, в отличие от своих героев. Прежде чем стать драматургом, я несколько лет играл на сцене Свердловского театра драмы.

– Ваши коллеги-актеры, игравшие на фестивале, сумели вас чем-нибудь поразить?

– Прежде всего немцы из театров Эссена, Констанца, Касселя. Все эти немецкие «Рогатки», «Полонезы Огинского» я видел раньше. Это был сухой, чисто немецкий театр, где много ума, но чувства мало. Но вот немцы посмотрели тот «Полонез...», который я сам поставил с актерами нашего драмтеатра. После этого они сыграли, мне кажется, немного иначе. Появилась какая-то искренность, открытость, я не узнавал этих людей. Полтора года жил в Германии и полагал, что знаю немцев.

– Может быть, русское мистическое пространство?

– Не знаю, но в последний вечер, когда пора было расставаться, они дружно рыдали. Довести немцев до слез – это же невероятно!..

– Драматургу Николаю Коляде более свойственно доводить до слез, нежели до смеха?

– Мне надо и то, и другое. Тот самый смех сквозь слезы и слезы сквозь смех.

– И чтобы достичь этого, история должна быть проще, побанальней?

– Вся история должна заключаться в одной строке, меня этому еще в Литинституте учили. Молодой человек вернулся издалека, а девушка влюбилась в другого. «Горе от ума»... Я вообще думаю, что в основе пьесы должна лежать какая-то банальность, нечто предельно понятное всем. Но, честно говоря, мне трудно судить о своих пьесах со стороны. Я ведь ничего в них не смыслю. Я сяду, напишу, потом мне говорят: сюжет этой пьесы повторяет сюжет той. У меня все связано с собственной жизнью, пропущено через себя. Герой переходит из одной вещи в другую? Пока мне не скажут, я и этого не замечу. И не от того, что пишу по наитию, в безумии (хотя, может, так оно и есть), а просто, как сказал Розанов: «Литература – это мои штаны». Штаны, в которых я себя легко и уютно чувствую. Придумывать сложные истории мне, наверное, было бы под силу, но это надо про кого-то писать, не про себя. А у меня и «Рогатка», и «Полонез...», и «Сказка о мертвой царевне» – все свое. Сюжеты из собственной жизни. А значит, они и не кончатся... К тому же повод может быть дан извне. Чужая история может наложиться на твою жизнь и судьбу: тогда происходит некое совпадение. Однажды, например, завлит Екатеринбургского ТЮЗа Олег Лаевский предлагает: напиши про дочь одного советского посла. У нее было все, она жила в роскоши, но отец умер, и все поменялось, вокруг совсем другая, незнакомая жизнь. Ведь как интересно проследить, что бывает с людьми в подобных обстоятельствах. Я все это занес, как обычно, в записную книжку, а потом, когда жил в Гамбурге и, не имея возможности уехать, жутко тосковал по Родине, вдруг сел и стал писать «Полонез Огинского». Монологи Тани – это мои монологи, ее надрыв – мой надрыв. Теперь это уже моя, только моя история, хотя в основе ее чужой сюжет.

– Насколько я знаю, вы далеко не всегда в восторге от того, как вас интерпретируют режиссеры...

– Я не могу смириться только с тем, что очень часто театральной режиссурой занимаются люди бесталанные. Хотя мне-то еще везет – меня и талантливые ставят. А вообще, когда видишь, что тебя опять искромсали и переделали «под себя»... Горестно забиться в угол на премьере, но это, к сожалению, привычно для автора.

– А когда переделывает «под себя» талантливый, не так обидно?

– Вы Виктюка имеете в виду? Нет, не так обидно. Когда я впервые пришел на репетицию «Рогатки», то схватился за голову. Это не то, что я писал, это коммерция и Бог еще знает, что! Виктюк попросил: посмотри еще раз. Я посмотрел, понял и успокоился. Виктюку я разрешаю вторгаться в текст моих пьес как угодно. В «Полонезе Огинского» он все переделал, от меня остались рожки да ножки. Теперь я могу прочесть в рецензиях: спектакль очень хорош, хотя пьеса скверная. И даже, если спектакль находят неудачным, мне неудача Виктюка интереснее, чем удача очередного Пупкина.

– Но теперь это «Рогатка» и «Полонез...» Виктюка...

– Надеюсь, наши общие.

– Идут-то уже не на вас, а на Виктюка. Это его имя собирает полные залы, кто бы там ни значился автором: Олби, Жене, Коляда.

– Пусть так, ревновать я не стану. Сейчас он хочет поставить мою «Американку», просит новую пьесу. Я верю, что все это будет замечательно. И дело не в том, что он очень моден. Он поразительно талантлив. И поразительно одинок. То, что мы видим на поверхности, вся эта тусовка вокруг него – наносное. Когда я его увидел в первый раз, то решил: пустышка. Болтает, рассуждает о Боге, о душе. Но надо суметь увидеть, как предельно страдает этот человек, как адски трудится, надо ощутить магнетическое обаяние его личности.

– Можно ли представить, что вы напишете пьесу о каких-то совсем других людях?

– Если говорить о будущем, я пребываю в растерянности. Впрочем, это постоянное ощущение, когда закончишь пьесу. Но свою главную пьесу я, надеюсь, еще напишу. О чем она будет, о ком? Знаю только, как сильно влияют на меня всякие грустные истории. Я начинаю вживаться, думаю, как все это было.

– Да, ваши пьесы строятся на грустных обстоятельствах. А человек, который хочет видеть в театре пять пудов любви, радостные лица и счастливый финал, от вас этого не дождется?

– Никогда!

Беседовал Константин БОГОМОЛОВ

50